

Семенников Владимир Петрович

**Романовы и германские
влияния во время мировой
войны**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В57

В57 **Владимир Петрович С.**
Романовы и германские влияния во время мировой войны / Семенников
Владимир Петрович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 154 с.

ISBN 978-5-519-85257-9

ISBN 978-5-519-85257-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

влияниями, или чисто внутренними причинами, вызывавшими действия, совпадавшие с интересами Германии. Не ставя себе целью излагать подробно причины стремления царской России к сепаратному миру, я счел тем не менее полезным наметить их, хотя бы бегло, в заключении.

При работе над этой темой я пользовался всеми известными мне русскими и иностранными печатными источниками, но, кроме того, мне доступен был и ряд весьма важных рукописных документальных материалов из личных бумаг Николая II.

В заключение отмечу, что, при разработке избранной мной темы, попутно обрисовывается, как мне кажется довольно ярко, картина того разложения, до которого дошел аппарат русской монархии накануне ее падения. Это, думается, делает книгу по содержанию своему несколько более широкой, чем обещает ее заглавие, и дает мне смелость предполагать, что она может привлечь внимание и тех читателей, которые интересуются не только моей непосредственной темой, но и общей картиной истории падения Русской монархии.

1929 г. Декабрь.

Борьба за сепаратный мир Германии—России.

Германия, в отличие от своих противников, уже в самом начале войны сделала попытку нащупать почву для заключения мира. Такой шаг был предпринят 11 сентября н. ст. 1914 г., когда Германия обратилась к президенту Америки с просьбой принять на себя инициативу мирного посредничества. Однако, союзники, которым стало об этом известно неофициально, отвергли даже всякую мысль о мире¹. Это было почти в те дни, когда в Лондоне состоялось соглашение (4 сентября н. ст.) России, Франции и Англии о том, чтобы вести войну вместе и не заключать сепаратного мира.

Потерпев неудачу с попыткой возбудить вопрос относительно общего мира, Германия через некоторое время после этого стала прилагать неофициальные усилия к тому, чтобы заключить сепаратный мир с одним из воюющих с нею государств.

В этом отношении особое внимание германцев было обращено на Россию, отколоть которую от союза представлялось Германии гораздо более легким, чем заключить сепаратный мир с Францией или Англией, тем более что родственные связи царствующих домов России и Германии, а также русско-германские торговые и банковские отношения, облегчали почву для возможности мирных попыток.

Первые, известные нам, сделанные Германией России предложения сепаратного мира относятся к февралю 1915 года. Этот момент был выбран не случайно. Как раз в это время, в виду наступательных действий русской

армии в Галиции, германцам приходилось перебрасывать свои войска на русский фронт, — союзники же именно тогда приступили к дарданелльской операции, и 19 февраля английский флот открыл бомбардировку Дарданелл. Начало дарданелльской операции произвело в руководящих кругах России тревогу, вызванную опасением за то, что, несмотря на свои словесные обещания, союзники, если им удастся овладеть Константинополем и проливами, не предоставят их России. Несомненно, в связи с этим царское правительство решило тогда поставить этот вопрос перед союзниками в самой категорической форме, и 19 февраля — 4 марта 1915 г. министр иностранных дел Сазонов передал английскому и французскому послам «памятную записку», в которой сообщалось, что «ход последних событий приводит его величество императора Николая к мысли, что вопрос о Константинополе и проливах должен быть разрешен окончательно сообразно вековым стремлениям России»; при этом указывалось, что «всякое решение будет недостаточным и непрочным, в случае, если город Константинополь, западный берег Босфора, Мраморного моря и Дарданелл, а также южная Фракия до линии Энос-Мидия, не будут впредь включены в состав Российской империи».

Такая категорическая постановка вопроса была в то время мотивирована, между прочим, в личных беседах Николая II и Сазонова с французским послом Палеологом.

«Несколько недель назад, — говорил тогда Сазонов последнему, — я еще мог думать, что открытие проливов не предполагает неизбежным образом окончательного занятия Константинополя, — теперь я вынужден констатировать, что вся страна требует этого радикального решения...»

То же подтвердил Палеологу и сам Николай. Он заявил (3 марта н. ст.):

«Я не признаю за собой права палатать на мой народ ужасные жертвы, плагаемые ему войной, не давая ему, в награду осуществления его вековой мечты... Поэтому мое решение принято. Я радикально разрешу проблему Константинополя и проливов»¹.

Но как раз в то время, когда царское правительство решило выступить перед союзниками с категорическим на-

стоянием об этом, в Германии был разработан план заключения с Россией сепаратного мира. Об этом тогда же, — очевидно, через секретную агентуру, — стало известно союзникам и, вот, например, в дневнике английского посла в Париже лорда Берти мы находим под 2 марта 1915 г. (то есть за два дня до представления Сазоновым союзникам упомянутой «памятной записки») такую запись:

«Делькассе * мне сказал сегодня утром, что Германия делает энергичные попытки оторвать Россию от ее союзников, — он говорит, что это ей не удастся. Однако, я замечаю некоторую нереность, которая усилится, если Россия будет недовольна позицией Франции и Англии по константинопольскому вопросу»¹.

Таким образом, отсюда ясно, что союзники знали о планах Германии насчет сепаратного мира с Россией, — судя же по тому, что германцы (как мы это увидим далее) не раз указывали Романовым на ненадежность обещаний по этому вопросу Англии, несомненно, что и в Германии были осведомлены о шедших тогда переговорах Англии и Франции с Россией насчет Константинополя и о тех колебаниях, которые в этом отношении были у союзников.

Германцы весьма ловко, таким образом, выбрали момент для предложения России сепаратного мира: ведь более чем вероятно, что неудовлетворяющая царскую власть позиция союзников в переговорах о Константинополе сделала бы, даже несмотря на лондонское соглашение о незаключении сепаратного мира, спорным самый вопрос о дальнейшем участии России в войне. Момент, когда решался вопрос о Константинополе был, несомненно, одним из узловых пунктов дипломатической истории войны.

На почве осведомленности союзников о германских мирных попытках разыгралась в то время крупнейшая дипломатическая игра, придающая германским попыткам, несмотря даже на то, что они не имели успеха, большое политическое значение. Результатом этой игры явилась «уступка» России Константинополя союзниками: Англия дала на это согласие 27 февраля (по н. ст. 12 марта), то есть всего через восемь дней после вручения ей упомянутой «памятной записки» Сазонова, но согласие это было

* Делькассе — французский министр иностранных дел.

обусловлено доведением войны «до успешного окончания», осуществлением пожеланий Англии и Франции как в Турции, так и в других местах, а также тем, что на Россию возлагалось обязательство сделать все, что в ее власти, чтобы привлечь к союзникам для участия в войне Болгарию и Турцию; что касается Франции, то ее согласие на это было получено позже — лишь 10 апреля.

Наиболее важным из предпринятых тогда Германией шагов возбудить перед Романовыми вопрос о заключении сепаратного мира было, несомненно, выступление фрейлины М. А. Васильчиковой.

Васильчикова постоянно жила в Австрии, в своем имении (под Веной), — здесь ее застало и начало войны, но Васильчикова не вернулась тогда в Россию, а, в виде особого исключения, была оставлена австрийцами в ее имении.

Васильчикова была соединена родственными и близкими отношениями с различными представителями как русской, так и австрийской аристократии, — в частности, была очень близка к кн. Лихтенштейну, бывшему австрийскому послу в Петербурге, состояла в родстве с Павлом Скоропадским, бывшим позднее, в 1918 г., гетманом Украины (в то время он командовал на фронте одной из русских кавалерийских дивизий), и, кроме того, была лично хорошо известна Романовым.

Благодаря всем этим обстоятельствам, австро-германские власти и решили использовать Васильчикову в качестве посредника для предварительных неофициальных сношений с Романовыми.

Переговоры с Васильчиковой вели сперва три лица (два немца и один австриец), не принадлежавшие к официальной дипломатии, но имевшие сношения с царствующими домами как Австрии, так и Германии. Эти лица приезжали в имение к Васильчиковой, где и вели с ней переговоры. Позднее она была вызвана в Берлин, и здесь с ней имел соответствующие беседы германский министр иностранных дел фон-Ягов. Он передал ей на словах несколько соображений, подготавливавших почву для постановки вопроса о мире.

О тех беседах, которые имела Васильчикова с приезжавшими к ней лицами и с фон-Яговым она сообщила в письмах (их было три) Николаю II.

Первое из этих писем, для общей характеристики этой миссии Васильчиковой, мы считаем полезным привести здесь полностью.

Вот текст этого письма, датированного «25 февраля — 10 марта 1915 года. Klein Vartenstein, Glognitz, Nieder Oesterreich».

«Ваше величество! Сознаю всю смелость моего поступка писать Вашему императорскому величеству, но только бес-предельная любовь к вам, государь, и моему отечеству побуждает меня это сделать, и умоляю ваше величество соблаговолить прочесть эти нескладные, но вылившиеся из души строки.

«В настоящее грустное время, я, кажется, единственная русская, имеющая доступ к вам, ваше величество, которая находится во враждебной нам стране, и к тому же ради пребывания здесь летом семьи моего племянника Скоропадского, и анонимных доносов, что я скрываю русских шпионов, нахожусь в плену, т. е. не смею выходить из моего сада, — и ко мне сюда приехали трое* — два немца и один австриец, все трое более или менее влиятельные люди, и просили меня, если возможно, довести вашему величеству, «что теперь все в мире убедились в храбрости русских, и что пока все воюющие стоят почти в одинаковом положении, не будете ли вы, государь, властитель величайшего царства в мире, не только царем победоносной рати, но и царем Мира. У вас у первого явилась мысль о международном мире, и по инициативе вашего величества создан был в Гааге мирный конгресс. Теперь одно ваше могучее слово, — и потоки, реки крови остановят свое ужасное течение. Ни здесь, в Австрии, ни в Германии нет никакой ненависти против России, против русских: в Пруссии император, армия, флот признают храбрость и качества нашей армии, и в этих обеих странах большая партия за мир, за прочный мир с Россией. Теперь всё гибнет: гибнут люди, гибнет богатство страны, гибнет торговля, гибнет благосостояние; а там и страшная желтая раса, против нее стена — одна Россия, имея во главе вас,

* Набранное разрядкой, как здесь, так и в далее цитируемых документах, означает, что данное место подчеркнуто в подлиннике. При цитатах документов как здесь, так и в других местах стилистические неправильности подлинника сохраняются.

государь. Одно ваше слово, и вы к вашим многочисленным венцам прибавите венец бессмертия.

Я была совсем изумлена, когда мне все это высказали. На мое возражение что могу я, мне отвечали: «Теперь дипломатическим путем это невозможно, поэтому доведите вы до сведения русского царя наш разговор, и тогда, стоит лишь сильнейшему из властителей, непобежденному, сказать слово, и, конечно, ему пойдут всячески навстречу». Я спросила — а Дарданеллы? Тут тоже сказали: «Стоит русскому царю пожелать — проход будет свободен».

«Люди, которые со мной говорили, не дипломаты, но люди с положением, и которые лично знакомы и в сношениях с царственными правителями Австрии и Германии. Вспоминаю князя Лобанова *, — так искренно преданный вашему величеству и России, он всегда стоял за дружбу трех императоров — *l'alliance des trois empereurs* **.

«Здесь, повторяю, нет не только ненависти, но даже настоящего враждебного чувства к России, и трое, со мной говорившие, бывали в России, ее знают и любят. Также к Франции и к Японии нет ожесточенности, — но, правда, ненависть огромная к Англии.

«Ваше величество, я себя чувствовала не в праве не передать все вышеизложенное, которое теперь (вследствие того) ***, что ни в Германии ни в Австрии нет вашего представителя, мне пришлось высказать. Молю меня простить, если ваше величество пойдет, что я неправильно поступила.

«Конечно, если бы вы, государь, зная вашу любовь к миру, желали бы через поверенное, близкое лицо убедиться в справедливости изложенного, эти трое, говорившие со мною, могли бы лично все высказать в одном из нейтральных государств, но эти трое — не дипломаты, а, так сказать, эхо обеих враждующих стран.

Вашего императорского величества глубоко преданная подданная Мария Васильчикова».

Это письмо Васильчиковой, посланное (как видно из ее второго письма) через императрицу Александру Федо-

* Кн. А. Б. Лобанов Ростовский — министр иностр. дел. в 1895 — 1896 гг.

** Т. е. „союз трех императоров“.

*** Поставленное в скобках добавлено по смыслу.

ровну, было получено последней в Царском Селе в то время, когда Николай находился в ставке. Отправляя 9 марта (как раз в день взятия русскими войсками Перемышля) это письмо мужу, Александра Федоровна писала:

«Посылаю тебе письмо от Маши (из Австрии), которое ее просили тебе написать в пользу мира. Я, конечно, более не отвечаю на ее письма»⁴.

На это первое письмо Васильчикова никакого ответа не получила, что видно опять-таки из ее второго письма, посланного (17-30 марта) на этот раз уже непосредственно Николаю.

В этом втором письме Васильчикова сообщает, что к ней вновь приезжали австро-германские представители (вероятно, те же: «два немца и один австриец», — как она сообщает), прося повторить русскому императору написанное в первом, быть может, до него не дошедшем, письме.

В этом новом обращении к Николаю II Васильчиковой, кроме повторения общих слов о желании Германии заключить мир с Россией, существенно только следующее указание:

«Меня просят, — пишет Васильчикова, — довести до сведения вашего величества, что из секретнейшего источника известно, что Англия намерена себе оставить Константинополь и создать на Дарданеллах новый Гибралтар, и что теперь ведутся тайные переговоры Англии с Японией, чтобы отдать последней Манчжурию».

Вновь предлагая возбудить вопрос о мире, австро-германские представители указывали, что, если русский император откликнется на их предложения, — «то ему пойдут всячески навстречу, и вопрос о Дарданеллах будет решен, конечно, не в пользу Англии, а России».

В приписке к тому письму Васильчикова добавляла еще такое предложение:

«Если ваше величество желало бы прислать доверенное лицо в одно из нейтральных государств, чтобы убедиться, то здесь устроят, что меня из плена освободят, и я могла бы представить этих трех лиц вашему доверенному лицу».

В связи с приведенным в этом письме Васильчиковой указанием «из секретнейшего источника» насчет Константинополя и Дарданелл, любопытно отметить, что как раз

в тот самый день, когда было писано это письмо, английский статс-секретарь по иностранным делам Грей телеграфно сообщал послу Англии в Петрограде Бьюкенену о том, что германский посланник в Стокгольме (фон-Люциус) «распространяет в печати слух, будто бы Англия и Франция заключили сепаратное соглашение о Константинополе, с целью «помешать переходу Константинополя во владение России»⁵.

В шведской печати, действительно, появились тогда сообщения относительно «франко-английского соглашения против России»⁶.

Хотя, на самом деле, такого соглашения не было (Англия как раз незадолго до этого, 12 марта, дала свое согласие на «уступку» России Константинополя и проливов), но предпринятые союзниками военные действия в Дарданеллах, несомненно, давали почву для подозрений, что Англия и Франция, если им удастся овладеть проливами и Константинополем, не будут особенно считаться с обещанием об «уступке» его России.

В руководящих русских кругах, именно в связи с этим, на операции в Дарданеллах смотрели с опасением. Так, например (правда, позднее) на союзной конференции в Шантильи, когда был, уже после неудачи дарданельской операции, поставлен вопрос о том, надлежит ли совершенно очистить Галлиполи, или оставить небольшой английский отряд на южной конечности полуострова, представитель русского командования генерал Жилинский высказывался за полное очищение Дарданелл — и скрытым мотивом этого было сознание опасности «создания постоянного английского порта, по в о г о Г и б р а л т а р а при выходе в Средиземное море»⁷.

Таким образом, делая подобные же указания, германцы затрагивали довольно метко весьма чувствительное для русской власти место.

Рассмотренное второе письмо Васильчиковой, отправленное 17-30 марта, Николай должен был получить в то время, когда он находился в Царском Селе (в ставку он выехал 4 апреля), и у нас нет данных судить о том, как реагировали Романовы на это второе обращение.

Впрочем, в дневнике военного министра генерала Сухолинова, под 24 марта 1915 г., есть такая запись: